АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

«Рукописи не горят», – говорил гениальный писатель Михаил Булгаков. А принадлежащие ему вещи не исчезают. Ради талисмана Булгакова, золотого браслета, приносившего писателю удачу в самых сложных ситуациях, до сих пор проливается кровь…

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Талисман Михаила Булгакова

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Талисман Михаила Булгакова

«Эксмо»

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тарасевич О. И.

Талисман Михаила Булгакова / О. И. Тарасевич — «Эксмо», 2013 — (Артефакт & Детектив)

«Рукописи сгорели. Просить, особенно у тех, кто сильнее, – бесполезно», – обо всем этом говорил в своих произведениях гениальный писатель Михаил Булгаков. Жизнь его была тяжела, но всегда в самые сложные годы его поддерживала вера в талисман – золотой браслет, подарок первой жены. В наше время за украшением начинают охоту неизвестные, противостоять которым практически невозможно… Судмедэксперт Наталия Писаренко оказалась в западне, как булгаковский Мастер в сумасшедшем доме. Ее сын задержан по подозрению в совершении убийства. Наталия точно знает: Дима не мог этого сделать. У нее есть только один шанс доказать его невиновность – найти настоящего убийцу. Наталия выясняет: преступник охотился за браслетом Михаила Булгакова. Ей кажется, что она идет по верному следу и разгадка близка. Но Аннушка уже разлила масло, и судьба Наталии, как и несчастного Берлиоза, предрешена…

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тарасевич О. И., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 20
Глава 3 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ольга Тарасевич
Талисман Михаила Булгакова

© Тарасевич О. И., 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Все события и герои вымышлены. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

Человек сошел с электрички одним из последних. Покидать вагон он не спешил: не хотел толкаться среди капризничающих детей и потных теток.

Обойдя море суетливых дачников, в котором буйками выделялись клетчатые сумки со снедью и коробки с рассадой, он презрительно усмехнулся.

Все это мерзкое болото, людская человеко-масса.

Народ.

Обыватели.

Тупые потребители разрушающих желудок чипсов и разжижающих мозг американских боевиков.

Они совершенно не задумываются о своей жизни, о собственном предназначении. И зачем-то регулярно воспроизводят себе подобных.

Разумеется, ни одному из этих лишенных интеллекта и воображения людишек не пришло бы в голову *такое*, хотя бы отдаленно похожее на то, что он задумал.

Впрочем, так и должно быть.

Есть общий биовид и есть его отдельные гениальные представители.

Такие, как он…

Человек быстрым шагом углублялся в лес.

Дачники выбрали освещенную гравийную дорогу, ведущую прямо к поселку, но ему не хотелось, чтобы *потом,* после того, как все будет *кончено*, кто-то мог вспомнить его внешность. Путь по лесной тропинке был более долгим и менее комфортным, но человек никуда не торопился.

Накануне поездки он прихватил с собой фонарик, однако дополнительного освещения не понадобилось.

Диск полной желтовато-бежевой луны прекрасно подсвечивал шершавые стволы сосен и мягкую душистую траву на обочинах тропинки.

Возле поляны, плавно переходившей в спуск к реке, человек замер.

От воды шел легкий туман, разделявшийся на длинные седые пряди.

Казалось, на траву наброшена сеть таинственного дыма, и вот-вот среди тьмы вспыхнет пламенное зарево костра и вокруг огня затанцуют обнаженные гибкие ведьмы с длинными волосами.

Открывшаяся перед его глазами картина напоминала кадры из «Мастера и Маргариты»; ту сцену, где Марго перед визитом к Воланду проходит обряд причащения кровью в ночном лесу.

«Все-таки Бортко – гениальный режиссер, он понимает Булгакова, как никто другой», – пробормотал человек, улыбаясь березам с пышными локонами.

Налюбовавшись мистическим пейзажем, он снова устремился вперед.

Тим уже ждал его в условленном месте.

В ночном полумраке улыбка парня выделялась ярким пятном.

Человек скептически хмыкнул.

Тим стойко ассоциировался у него с молодым безмозглым современным поколением. С ничтожными потребителями, отчаянно напрягающими малоразвитые мозговые извилины, пытаясь следовать модному нынче позитивному мышлению…

От Тима пахло жевательной резинкой, свежим парфюмом и предвкушением приличной суммы бабок.

– Принес? – поинтересовался человек у Тима, не здороваясь.

Тим быстро кивнул и вынул из висящего на плече портфеля для ноутбука сверток.

Он с видимым равнодушием развернул его. Серьги, колье, золотое колечко, серебряный браслет, перстень и портсигар. А вот – то самое, ради чего все и затевалось, – золотая браслетка, талисман Михаила Булгакова.

Считаных секунд хватило ему для того, чтобы почувствовать: от браслетки идет мощная струя сильной теплой энергии.

Все верно.

Настоящая вещь…

Любимая безделушка гения…

– Спасибо, – он с любопытством поглядел в голубые глаза Тима. Взгляд у юноши был нетерпеливым и радостным, совершенно не омраченным предчувствием приближающейся смерти. – Я доволен. Я тоже все принес, как обещал.

Он сунул сверток с антикварными украшениями в спортивную сумку, достал пакет, набитый пачками старательно нарезанной накануне бумаги.

Сейчас Тим возьмет пакет.

И, глядя вниз, достанет пачку, попытается извлечь купюру.

Мальчишка туп, но осторожен; ни за что не уйдет, не убедившись, что его не «кинули».

В запасе будет максимум полминуты, чтобы успеть достать нож и нанести удар.

Бить надо наверняка.

Нельзя допустить, чтобы Тим заорал – дачи находятся отсюда совсем близко, не хватало еще, чтобы кто-то бросился ему на помощь…

Выдохнув, он нащупал в кармане рукоятку ножа. И сразу же вспорол мягкую беззащитную мякоть живота негромко охнувшего парня.

К горлу подкатил комок.

Теплая, терпко пахнущая кровь Тима брызнула ему на лицо. От этого человека сильно затошнило. Но он справился с накатившей дурнотой. И, убедившись, что Тим мертв, устремился прочь…

Глава 1

Татьяна Лаппа, 1917 год, Вязьма

Ребенок во мне все растет. На прошлой неделе Анна, что помогает мне управляться по дому, расшила в талии мое серое шерстяное платье. За работой она все повторяла: «Ох, зачем барыне платье расшивать? Скоро опять сделается оно мало. Я бы для вас лучше сшила платье новое, широкое».

Объяснять Анне, что нет нужды в новом платье, так как материнству моему не суждено случиться, я не стала. Пару лет тому нашу прислугу ссильничали пьяные мужики. С той поры она малость повредилась рассудком, хотя это и не сказалось на добром нраве ее и на безупречном прилежании.

– А что доктор, обедать не выйдет? – кричит Анна из столовой, звеня серебряными приборами. – Занедужил барин наш?

Я молчу. Впрочем, мои ответы Анну не интересуют. Накрывая на стол, она все воркует, что доктор болеет, но надо бы ему поправляться – ведь скоро появится ребенок, и хорошо бы, чтобы мальчик.

Если видеть теплый просторный наш дом, слышать радостный лепет прислуги, то вполне можно решить, что жизнь обитателей этого дома счастлива и беззаботна.

А между тем больше всего на свете я хотела бы удавиться.

Или никогда и вовсе не встречать Мишу – потому что радость нашей любви длилась мгновение, и сменилась она долгим стылым горем.

Нет, не ребенок держит меня на этом свете.

Дни крошечного теплого комочка, уже начинающего шевелиться во мне, сочтены.

Просто я как подумаю: «Ну вот, отравлюсь. А что потом с Мишей будет? Жалкий, страшный – кому он нужен такой?..» Подумаю так – и решаю погодить руки на себя накладывать. Хотя у фельдшера в больнице, должно быть, полно всякой отравы. И легко я могла бы получить ее – а хоть бы и для того, что якобы надо крыс потравить, чем не предлог?..

– Тася… Тася, зайди ко мне!

Послушно иду в спальню. В горле комок. Знаю, что скажет он. «Вот рецепт, торопись в аптеку, принеси морфий». А я ему скажу, что в Вязьме всего две аптеки. И аптекари уже *так* смотрят, когда я морфий спрашиваю, – как будто бы *все* им уже про доктора Булгакова известно. Боюсь, скоро отберут у Миши докторскую печать, и не сможет он больше выписывать рецепты на морфий. И тогда уж точно погибнет.

Мне было пятнадцать лет, когда я с ним познакомилась. А Мише – семнадцать. Тетка прислала меня на каникулы, посмотреть Киев. Мне понравился уютный их дом на Андреевском спуске. Понравился ли в тот самый первый приезд Киев – не помню. Помню только Мишины синие глаза, его ласковую улыбку, а еще красивые руки с тонкими пальцами. Он город мне показывал. Только Киева я так и не увидела, все на Мишеньку смотрела.

Помню, уже тогда сделал он мою золотую браслетку, что мама подарила мне на окончание гимназии, своим талисманом.

Браслетка была очень красивой – из частых золотых колечек, мягко охватывающих запястье. Мише она очень понравилась. Он попросил ее у меня на удачу – ему предстояло сдавать экзамен. Сдал, только представьте себе, и на отличную оценку!

– Тася, – Миша слабо машет рукой на окно, и я бросаюсь задергивать штору. У мужа постоянные галлюцинации, и в окне видятся ему страшные черные люди. – Тася, надо в аптеку.

Часы над нашей кроватью с серебристыми шишечками показывают только два часа пополудни.

И это очень, очень плохо.

Миша и так колет морфий пару раз в день, утром и вечером. Но, похоже, уже нет сил у него терпеть до вечера, и хочет он укола и в обед.

Торопливо выписав рецепт, муж смотрит на мой живот и вздыхает:

– Тасенька, ну ты же понимаешь: оставлять никак нельзя.

Один раз Миша уже говорил мне такое. В Киеве, когда собирались мы венчаться, выяснилось: я понесла, и будет ребенок. Накануне прислала мне из Саратова мама денег на платье. Пришлось те деньги отдать доктору. Мишенька говорил: еще не время, ему надо выучиться. А мне тогда страсть как хотелось ребенка. У доктора я чуть не померла: наркозу мне почему-то не давали, боль была адская, а еще началось кровотечение, и доктор все не мог его унять, а я думала, что помру вот так глупо, накануне венчания.

Зато потом, в церкви, когда священник венчал нас, мы с Михаилом все хохотали. Как представляли, что тут вместо свадьбы могли бы похороны быть, – так и смеялись. Венчалась я в белой кофточке и юбке. Мне их мама купила. Она на свадьбу приехала и когда доведалась, что платья нет, пошла к портному, и быстро пошили мне там кофточку. Родные Мишеньки были недовольны; думали, разве не могла уже мама моя мне платье пошить. Они считали, мы богато жили, но это было не так совсем…

Живот у меня еще небольшой.

А все равно, как наденешь теплую шубу и валенки – кажется, ни шагу ступить не выйдет; повалюсь набок и расшибусь всенепременно.

– Барыня, куда же вы! Обед простынет, – несется мне вслед отчаянный крик Анны.

Не до обеда теперь. Когда Мише нужен морфий – лучше повременить с другими делами, иначе сделается ему совсем худо.

Спешу, тороплюсь в аптеку. И, уклоняясь от колючего ледяного ветра, все вспоминаю наши с Мишей печали.

Никто из родных не знает, что Мишенька болеет. Боже упаси! Тотчас сделается дурно матушке и сестрам его, коли доведаются они о *таком*. Нет, решительно никому нельзя говорить про этот тяжелый недуг. Но все-таки поговорить с кем-то о происходящем мне хочется. Иногда такая тяжесть на сердце, такая тоска… Но разве есть подле меня тот человек, которому можно открыться? Персонал больницы меня ненавидит. Я пыталась уговорить Мишеньку согласиться, чтобы я работала при нем. Хоть бы даже полы мыла – я на все готова, только бы отвлечься. Но санитарки и фельдшерицы восприняли в штыки: барыня не должна работать. И Мишенька, конечно, не решился им перечить. Рядом со мной нет ни души, чтобы излить свои печали. Но придумала я себе друга – чуткого, внимательного, преданного. Веду с ним неспешные беседы. Вот так я рассказала бы ему о возникновении страшной Мишенькиной болезни: «Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать трахеотомию. Знаете, горло так надрезается? Фельдшер ему помогал, держал там что-то. Вдруг ему стало дурно. Он говорит: «Я сейчас упаду, Михаил Афанасьевич». Хорошо, Степанида перехватила, что он там держал, и он тут же грохнулся. Ну, уж не знаю, как они там выкрутились, а потом Михаил стал пленки из горла отсасывать и говорит: «Знаешь, мне кажется, пленка в рот попала. Надо сделать прививку». Я его предупреждала: «Смотри, у тебя губы распухнут, лицо распухнет, зуд будет страшный в руках и ногах». Но он все равно: «Я сделаю». И через некоторое время началось: лицо распухает, тело сыпью покрывается, зуд безумный. Безумный зуд. А потом страшные боли в ногах. Это я два раза испытала. И он, конечно, не мог выносить. Сейчас же: «Зови Степаниду». Я пошла туда, где они живут, говорю, что «он просит вас, чтобы вы пришли». Она приходит. Он: «Сейчас же мне принесите, пожалуйста, шприц и морфий». Она принесла морфий, впрыснула ему. Он сразу успокоился и заснул. И ему это очень понравилось. Через некоторое время, как у него неважное состояние было, он опять вызвал фельдшерицу.

Она же не может возражать, он же врач… Опять впрыскивает. Но принесла очень мало морфия. Он опять… Вот так это началось…»[1]

Морфий, морфий…

Как же я его ненавижу!

Бросив на меня подозрительный взгляд, аптекарь дает мне склянку с белыми страшными кристаллами, и я тороплюсь обратно к Михаилу.

Через полчаса муж снова становится таким, каким я его полюбила: оживленный, улыбчивый, предвкушающий прием пациентов, и книги, и ужин, и пылающие в камине поленья. Предвкушающий жизнь…

Миша, отобедав, уходит в больницу, ну а я принимаюсь собирать вещи. На аборт надо ехать мне в Москву, к Мишиному дядьке, известному всей Москве гинекологу. У того свой кабинет в Обуховском переулке, приходящая акушерка и смотровая с операционной.

Михаил, который в Никольском делал десятки выскабливаний, даже не думал мне предложить сделать такую операцию. А когда я заговорила об этом (все же мне не хотелось, чтобы родные знали о том, что ребенка нашего не будет), сделался бледным и злым. «Да как ты можешь думать о том, что я возьмусь оперировать тебя! – вскричал он. – Я болен, а если не смогу кровотечение остановить – что, умереть хочешь прямо на столе, под моим ножом?»

И я тогда обрадовалась жутко. Подумалось мне, что, может, любит мой Мишенька не только морфий, но и меня…

* * *

Работы у судмедэксперта Наталии Писаренко оказалось немного, всего два вскрытия.

Утром она занималась онкологической больной, женщиной сорока семи лет, скончавшейся дома от рака поджелудочной железы. Визуально никаких подозрений в насильственном характере смерти этот случай не вызвал. Да и лицо у покойной было счастливым и умиротворенным. Так часто бывает у тех, кого смерть избавляет от мучений, почти не облегчаемых на последней стадии даже морфинами.

Вторым трупом, доставшимся судмедэксперту, стал некий мужчина лет пятидесяти пяти – шестидесяти, из разряда тех, кого называют лицами без определенного места жительства.

«Таких не очень жалуют случайные попутчики – бомжи воняют, от них не в восторге судебные медики – рассадник туберкулеза и всяческих инфекций. Но смерть бомжей, возможно, еще печальнее их жизни, – думала Наталия, делая забор тканей и жидкостей для исследований. Лежавший на секционном столе мужчина не обещал никакой интриги, состояние внутренних органов подтверждало все признаки утопления ненасильственного характера. – После вскрытия трупы бомжей сносят в подвал морга, и они гниют там годами. Наверное, службы, которые должны хоронить такие тела, только в одном рвение проявляют – в бабок присвоении. В нашем подвале сотни трупов, и никому нет до них дела. Валера, начальник, периодически звонит, орет, требует вывезти – все без толку. Фильмы ужасов можно в нашем подвале снимать. И вот еще один кандидат на размещение этажом ниже. Эх, дядя! Не полез бы бухим купаться – пожил бы еще…»

Диктуя данные по трупу бомжа медицинскому регистратору, пухленькой блондинке в белом халате, Наталия невольно покосилась на соседний секционный стол.

Там лежало тело мальчишки лет двадцати, наркомана, с множественными ножевыми ранениями.

---

[1] Цитируется по книге Леонида Паршина «Чертовщина в американском посольстве, или 13 загадок Михаила Булгакова».

Наталия вздохнула: коллега, которому начальник поручил вскрывать труп, – еще молодой неопытный парень. Наркомана нашинковали в капусту, и судмедэксперт сойдет с ума, описывая и измеряя многочисленные раны. Впрочем, дело не только в муторной технической работе. Сможет ли молодой специалист правильно разобраться в очередности нанесения ударов и, в конечном итоге, верно установить причину наступления смерти?

«Криминала» в морг сегодня привезли достаточно. Только меня, как всегда, Валера жалеет, работой не нагружает, – подумала Наталия, делая знак санитару, что тело бомжа можно зашивать. – Надо будет зайти к нему и популярно объяснить: не стоит относиться ко мне как к тяжелобольной. Я уже полностью восстановилась после пережитого и могу работать с полной загрузкой…»

…Она согласилась участвовать в проекте «Ясновидящие» из-за денег[2]. Лицезреть на телевизионном экране собственное миловидное личико показалось Наталии, мягко говоря, не сильно вдохновляющей перспективой. К славе и популярности она была совершенно равнодушна, и наблюдать ей всегда казалось более интересным занятием, чем находиться в центре внимания. Но гонорар эксперту, озвучивающему задания для экстрасенсов, пообещали солидный. Наталия, помогающая приюту для бездомных животных, сразу представила мешки корма и утепленные вольеры – и не раздумывала ни минуты.

– Ты увидишь «Останкино» изнутри, узнаешь все о телевизионной кухне! – радовался муж Наталии Леонид. – Слушай, обещай, что все-все расскажешь в мельчайших подробностях! Мне всегда было очень интересно, вот в этих программах типа «Битвы экстрасенсов» участники на самом деле обладают неограниченными возможностями или им банально подсказывают для более зрелищной картинки?

Оказалось – все бывает по-разному, в зависимости от ситуации. Некоторым экстрасенсам никакие подсказки не нужны, для них что прошлое, что будущее человека – как открытая книга. Те, у кого меньше способностей, больше преуспевают на ниве интриг. Но в целом период чистого любопытства, вызванного нахождением рядом с людьми, обладающими паранормальными способностями, продлился недолго. Выяснилось, что среди участников проекта находится коварный преступник, который идет к своей цели по трупам – в прямом смысле этого слова. Конечно, разумнее было бы уйти из «Ясновидящих». Муж, собаки, сын, внучка, интересная работа – в жизни слишком много прекрасного и любимого, чтобы рисковать и становиться пешкой в чужой кровавой игре. И все-таки Наталия осталась. Потому что ей казалось: она сможет предотвратить новые жертвы, она не имеет права пасовать.

Съемки продолжались с утра до вечера. Долгое нахождение среди людей, обладающих сильной энергетикой, повлияло на Наталию. У нее усилилась интуиция, иногда стали появляться видения, показывающие картины из прошлого или будущего. Контролировать или както влиять на все эти непонятные явления она не могла. Она училась предсказывать будущее другим – но то, что сама станет жертвой черной магии, Наталия предугадать не смогла.

Из комы, которую близкие посчитали смертью, Наталию вывели девушка-экстрасенс и святая для всех христиан реликвия, оберег Святого Лазаря, подаренный Лазарю Иисусом Христом.

Наталия прошла через ощущение полного разделения с физическим телом. Она наблюдала за горем своих близких, за торжеством преступника. Потом, вернувшись к жизни, она в своей непосредственной прямой манере сообщила друзьям и коллегам, что воскресла из мертвых благодаря помощи высших сил. «А что у вас лица такие резиновые? Не я первая, прецеденты уже были, вы Евангелие перечитайте…» Она пыталась шутить в ответ на косые взгляды, но переломить мнение коллег, явно решивших, что после пережитого Писаренко приобрела серьезные проблемы с рассудком, у Наталии не получилось.

---

[2] Более подробно об этом – см. роман Ольги Тарасевич «Оберег Святого Лазаря».

– Люди – это только люди. Они мыслят прежде всего материальными категориями, исходят из собственного опыта, – делилась Наталия с мужем своими переживаниями. – Мне довелось испытать ощущения, которые большинству недоступны. Естественно, все это не понимается и не принимается. Впрочем, без разницы, кто и что обо мне думает. Я чувствую, что очень сильно изменилась. Теперь я точно знаю, что смерти нет. Но, может, лучше было бы, если бы она существовала. Оказавшись без оболочки тела, понимаешь, сколько всего не сделано, сколько возможностей упущено – и это так горько, что я даже описать не могу, в физическом мире люди не испытывают таких состояний и интенсивных эмоций. Я стала терпимее. Все пройдет: все глупости, все обиды. А еще мне теперь намного больнее смотреть на все эти проблемы с сигаретами, алкоголем и наркотиками. Люди не понимают, что творят. Если бы они понимали и осознавали – производители табака и алкоголя разорились бы…

Наталия стремилась, чтобы ее жизнь вернулась в прежнее русло. И при этом понимала: целиком это вряд ли возможно, слишком многое изменилось. Она уже никогда не сможет безрассудно тратить время, совершенствоваться в язвительности, издеваясь над окружающими, потакать своим маленьким слабостям. Да еще и эти непонятные видения…

Пожалуй, в последнее время наблюдалось что-то общее в странных картинах, возникающих в сознании Наталии. Как правило, все они касались состояния здоровья человека.

Видение начиналось как образ отдельного органа, например, легких. На органе угадывалось темное пятно, присматриваясь к которому, можно было понять, какое заболевание поражает ткань органа. Далее область поражения или исчезала, или увеличивалась.

В принципе, ничего принципиально нового для себя Наталия не видела.

Легкие, пораженные эмфиземой, были повышенно воздушными, их эластичность просматривалась как значительно сниженная; амплитуда расширения и спадения при дыхании была незначительной. У многих людей просматривались суженные утолщенные мелкие бронхи, вздутые, с густой светло-серой слизью. Диагноз тоже ставился без труда – бронхиальная астма.

То, что обычно судебные медики видят после вскрытия, Наталия могла иногда рассмотреть на совершенно живом, зачастую еще не подозревающем о своем заболевании человеке.

Но было и то, что не увидишь на вскрытии.

Иногда после диагностики заболевания следующим кадром могла прийти картинка последних часов жизни человека, его кончины и отделения энергетических оболочек от физического тела. Наталия смотрела в глаза живого человека – и видела его смерть…

Иногда Наталия осознавала, что легко может силой мысли убрать незначительные повреждения на органе. В такие минуты она чувствовала, что словно становится проводником для ослепительной мощной силы, восстанавливающей через нее здоровье человека.

Но это было возможно не во всех ситуациях. Например, удалить у мужа видимые как темные точки вирусы из носоглотки она не могла. Или то же повышенное давление, которое Наталия видела как изменение окраски крови в сосудах, у одного человека лечилось за пару секунд, а другому, тоже страдающему от повышенного давления, она помочь не могла – хотя визуально тот случай казался более легким.

– Может, тебе надо стать целителем? Чем больше ты будешь заниматься, тем лучше будет результат, – рассуждал Леонид, изумленно поглядывая на свою жену, подробно рассказывающую о своих видениях.

Но подобное предложение мужа у Наталии энтузиазма не вызвало.

– Если бы я хотела быть врачом и кого-то исцелять, я бы пошла на лечфак, – фыркнула она. – Но живые больные с их нервами, немытыми порой телами и страданиями всегда казались мне малоинтересными. И потом, я еще на первых курсах практики поняла – помочь врач может не всем. А почему – никогда со стопроцентной точностью не объяснишь, даже если посадишь зрение в библиотеке или будешь практиковать с утра до вечера. То есть даже

добросовестный врач не может при всем желании спасти всех пациентов. Но кто его избавляет от ответственности за смерть? У каждого врача – свое персональное кладбище замороженных пациентов. И можно делать вид, что его нет. Только совесть знает – оно есть. Это один из аргументов, который привел меня в судебную медицину. По моей вине никто не умрет… А теперь… Теперь я вообще не вижу смысла в лечении. Любая болезнь – это результат неправильной жизни человека, неправильного питания, плохих мыслей. От всего этого тело начинает разваливаться. И страждущий быстро рвет когти за исцелением: спасите-помогите. То есть сам все разломал – а чинить другим. Настоящее выздоровление начинается с изменения сознания пациента, с понимания его ответственности за болезнь. Честно говоря, лень все это объяснять, даже браться не буду…

Да, Наталия Писаренко в последнее время очень сильно изменилась.

Начальник, видя все это, жалел ее и выделял Наталии самую простую работу. Смиряться с таким, по умолчанию принятым, немного инвалидным статусом она не собиралась…

…Она вышла из секционного зала, поднялась на второй этаж, где находились кабинеты судмедэкспертов, и, проходя мимо зеркала, вздохнула.

К собственной внешности у Наталии претензий не было. Она понимала, что ей здорово повезло и с гладкой кожей, на которой не появилось еще ни единой морщины, и со стройной фигурой, не меняющейся даже от излишне калорийного питания.

Из зеркала на Наталию немного грустно смотрела высокая рыжеволосая женщина с голубыми глазами, выглядящая максимум на тридцать лет. Подобная моложавость часто вводила в заблуждение поклонников Наталии. У мужчин просто падала челюсть, когда Наталия открывала портмоне, демонстрировала фотографию внучки и весело объясняла, кем именно ей приходится хорошенькое пухлощекое чадо.

Отражение в зеркале было привычно-эффектным. Однако светло-зеленая пижама могла бы оказаться и почище. Должно быть, когда санитары вскрывали тела, из артерий забил фонтанчик крови, украсивший пижаму мелкими красными капельками брызг.

«Перед тем как клеить с Валерой разборки, надо зайти к себе в кабинет и переодеться», – подумала Наталия, отворачиваясь от зеркала.

– Рыжая, ты чего мобилу не берешь? Я как раз к тебе бегу! – закричал выскочивший из кабинета шеф. Кабинет Валеры располагался в конце коридора, начальник несся к ней со всех ног.

Наталия пожала плечами. Ну вот, падение бутерброда маслом вниз триумфально состоялось. Не хотела она представать пред светлы Валерины очи в окровавленной пижаме – а шеф сам явился не запылился, легок на помине. Впрочем, это нетрагично: Валера – профессионал и все понимает. А брать с собой в секционную мобильный телефон – дело неблагодарное. Руки у эксперта часто в кровище. Перчатки стаскивать лень. Минуту отвечаешь на звонок – потом пятнадцать оттираешь аппарат от бурых разводов. Зачем это надо? Проще оставить телефон в кабинете, а потом перезвонить на входящие.

Лицо Валеры, непривычно серьезное, не предвещало ничего хорошего.

– Твоего сына задержали. По подозрению в убийстве, – пробормотал он, переводя дыхание.

Тонкие темные брови Наталии недоуменно взлетели вверх:

– Димку? Моего Димку задержали? За убийство?! Что за бред!

Валера сочувственно вздохнул:

– Ты только не волнуйся. Будем все выяснять и разбираться…

* * *

– Ты спалишь «тушкану» сцепление, – спокойно заметил Леонид Писаренко, наблюдая за лихорадочными попытками жены обогнать довольно резво мчащийся впереди грузовичок. – Прекрати метаться из стороны в сторону. Пять минут ничего не решат. А вот если мы попадем в аварию – придется задержаться надолго.

Наталия закусила губу.

Леня, ее надежный уравновешенный муж, как всегда прав. Вот он – молодец, само невозмутимое спокойствие. А ведь ему пришлось сложнее – он отсыпался после дежурства; ночь накануне выдалась неспокойной, с большим количеством выездов. Только пришел домой, принял душ и задремал – и тут звонок, сын задержан по подозрению в убийстве. Такое пробуждение явно приятным не назовешь!

Конечно, волнениями Димке не поможешь.

Леня прав: надо снизить скорость, спокойно добраться до следователя, выслушать его объяснения и без эмоций выбрать наиболее эффективный способ помощи сыну.

Только все эти рассуждения – на уровне мозга. А сердце все извелось!

Димка, Димка! Глазищи огромные, карие на смуглом лице, шапка черных волос – красавчик, по нему всегда все бабы млели. На журфаке преподавательницы прохода не давали – давайте, молодой человек, пожалуйте на кафедру телевидения, камера вас любит. А Димка любил газеты и вежливо это объяснил телевизионным дамочкам.

У сына талант: в небольшой статье может так прописать проблему или судьбу человека – читатели рыдают.

Димка великодушный, очень добрый. Молодцы они у себя в газете, постоянно благотворительные акции организовывают. То детскому дому помощь собирают, то больнице.

– Я, когда стал этим заниматься, понял в очередной раз, что Бог есть, – как-то сказал сын, делясь подробностями такого благотворительного мероприятия. – Денег надо было собрать – сто тысяч баксов за неделю. Состояние девочки ухудшалось, операция требовалась срочно, причем платная, за границей и за бешеные бабки. Сроки были совершенно нереальными, и мы это понимали. Набрали, условно говоря, три копейки, а нужен рубль. И тут в последний час акции вдруг приходит какой-то чувак. Выглядит как бомж, его даже охрана в редакцию не хотела пускать. У мужика того была клетчатая сумка, как у челнока, а там деньги. Я чуть не заплакал. Я видел чудо. По всему выходило – оно не случится. И все-таки – произошло…

Естественно, и недостатки у сына присутствуют. Живой же! Как-то помял крыло чужой тачки и по-хамски уехал; а еще собирает свои дурацкие каски – пока дачи не имелось, вся квартира была ими захламлена, и стоят эти мятые железки времен войны, между прочим, недешево. Он любит алкоголь больше, чем следует. Он сначала двигает обидчику в глаз, а потом думает, стоило ли это делать (если вообще думает).

Конечно, Дима не ангел.

Но между ним и убийством – пропасть.

Обычно парень писал статьи про тех, кто находится по ту сторону решетки.

Вот ведь, от сумы и тюрьмы – оказывается, чистая правда…

– Наталия, не молчи, – муж осторожно коснулся теплыми пальцами ее колена, и она слабо улыбнулась. – О чем ты думаешь?

– О Димке, конечно. Да, он не святой. Но эти обвинения нелепы!

– Мы со всем разберемся. Какое убийство? Дима не может иметь к этому никакого отношения!

Наталия треснула ладонью по рулю. Темно-серый «Хендай Тускан», любовно называемый в семье «тушканом», обиженно пикнул.

– Лень, надо было тебе вести машину. Сейчас меня особенно бесят эти чайники за рулем!

Проторчав в пробке час, они наконец добрались до следственного отдела.

Заглушив двигатель, Наталия пулей вылетела из машины и помчалась в здание.

– Вы к кому? – прокричал вслед сидевший у входа полицейский.

– Муж объяснится, – она махнула рукой и исчезла в проеме, за которым начиналась лестница.

Следователь Алексей Георгиевич Семенов, если судить по табличке, прикрепленной к двери, был счастливым обладателем отдельного кабинета.

Наталия для проформы стукнула в дверь костяшками пальцев и в ту же секунду распахнула ее.

– Гражданка, выйдите! – нервно взвизгнул сидевший за столом полный мужчина. Он прикрыл рукой телефонную трубку и постарался придать своему красному одутловатому лицу строгое выражение. – У меня важный разговор.

– Гражданка выйти даже не подумает. – Наталия уселась на стул, расстегнула пиджак. Заложив ногу за ногу, она открыла сумочку и достала оттуда свое служебное удостоверение.

– Дорогая, я перезвоню! Да понял я – куплю окорочков вечером! – недовольно буркнул следователь, швыряя трубку старенького аппарата. – Я просто счастлив, что вы – судмедэксперт. Мне ваш начальник уже весь телефон оборвал. Но это все равно не дает вам права нагло ко мне врываться. Будете просить за своего сыночка?

Наталия нервно улыбнулась, прислушиваясь к своим ощущениям.

Первый порыв – вскочить и залепить в упитанные щечки Алексея Георгиевича пару звонких пощечин.

За что?

Да он же мудак, типичный представитель мерзкой следовательской породы!

Треплется в рабочее время явно с женой по телефону – и при этом на понтах весь, изображает из себя жутко занятого человека.

Судебные медики знают, чем эти следователи занимаются. Не раскрытием преступлений, нет. Это только в книжках и фильмах честные следователи напрягают извилины, пытаясь вычислить преступника. А в реальной жизни вся их энергия на другое направляется – как бы это так эксперту руки выломать, чтобы он дал заключение, позволяющее уголовное дело не возбуждать.

По барабану следователям вопросы справедливого возмездия. Их интерес – задницу поменьше от стула отрывать да откаты за решение вопросов нужных людей получать.

Почитаешь их вопросы на постановку экспертам – волосы дыбом встают.

По младенчику со следами удушения – мог ли ребенок причинить себе эти повреждения самостоятельно?

По мужику с пятью ножевыми ранениями в спину – мог ли потерпевший сам нанести себе эти раны при падении с высоты собственного роста?

Фантазеры, блин! Это же надо такое придумать: самоудушающийся младенчик или мужик, активно падающий и падающий много раз на один и тот же ножик…

Первый порыв – высказать следователю все прямо в глаза. Раньше бы так и произошло.

Нервная система, моторика – все еще помнит вот эти эмоциональные реакции. Иногда на этой волне даже совершаются какие-то поступки, говорятся какие-то слова.

Но теперь вместе с тем в глубине души есть уверенность – для чего-то нужны все эти людишки, нечистые на руку следователи, преступники, алкоголики. Их наличие, наверное, свидетельствует о невероятно большой любви Бога к своим творениям. Это же как надо было любить людей, чтобы предоставить им свободу выбора. Не все могут ее использовать правильно, но у всех она есть. И вот такие уроды, вот такие следователи и иже с ними – это все-таки яркое свидетельство милости и великодушия высших сил.

«Не надо мне шуметь на Алексея Георгиевича. На дураков не обижаются» – подумала Наталия, прищуриваясь. Чувствуя, как в ее сознание начинают проникать картины внутренних органов следователя, она помотала головой.

Сейчас предстоит серьезный разговор.

Надо остановить это видение, но…

Но прекратить или как-то контролировать эту стихию невозможно. Вот она смотрит в голубые сонные глаза следователя – и видит их, и одновременно совершенно отчетливо видит и его печень. Она не темно-красная, а желтая, с жировыми пузырьками, заполняющими всю цитоплазму.

Следователь явно увлекается алкоголем. Пьет не рюмками, а бутылками.

У него уже и почки с намеком на липоидный нефроз, с серо-желтоватыми корками и жиром в клетках канальцев.

Но хуже всего, конечно, переносит привычки своего хозяина сердце. Оно у него увеличенное, с толстым слоем жира под наружной оболочкой, с расширенными полостями. И миокард дряблый, слабо сокращающийся.

В одном следователю Семенову повезет – в кончине. Умрет он быстро и без мучений, от многочисленных болезней испорченного водкой сердца. Приступ начнется в бане, «Скорая» приедет постфактум…

– Добрый день!

Наталия очнулась от своих мыслей и невольно подумала: какой же все-таки Леня красивый!

Следователь-толстячок как минимум лет на пятнадцать младше мужа. Но стройный высокий Леня, с выразительным взглядом и низким сексуальным голосом, выглядит куда моложе, энергичнее и интереснее.

– Мы бы хотели выяснить, на каких основаниях был задержан наш сын, Писаренко Дмитрий Леонидович? – спокойным тоном поинтересовался муж, оглядывая кабинет.

Напротив стола, возле сейфа, стоял еще один стул, на спинке которого висел синий форменный пиджак следователя. Покосившись на него и не дождавшись приглашения присесть, Леня отошел к окну, прислонился спиной к подоконнику.

Семенов недовольно нахмурился, забарабанил по столу толстыми пальцами:

– Конечно, я никому не должен ничего объяснять. Но раз уж так сложилось, что вы работаете в бюро и начальник ваш уже телефоны оборвал и мне, и моему руководству… В общем, рассказываю, как все было. В местное отделение поступил сигнал, что Дмитрий Писаренко убил какого-то парня, Тимофея Козлова. Убил из корыстных соображений, в лесополосе, находящейся неподалеку от дачного кооператива. Звонок анонимный. Участковый проверил сигнал. В лесополосе действительно нашли труп гражданина Козлова…

Наталия слушала рассказ следователя и, казалось, отчетливо видела своего сына.

Вот Димка, уставший после рабочего дня, подъезжает к даче, открывает покосившиеся ворота и загоняет машину во двор.

С ранней весны сын начинал часто приезжать туда.

Вообще, покупка дачи была инициативой его жены, Ольги. Димка все смеялся над ней: «Стареешь, подруга, к земле потянуло». Но потом этот клочок земли привязал к себе Димку намертво. «Просыпаться от пения птиц, а не от гула машин – это так круто, – объяснял он. – Я очень быстро там отдыхаю и восстанавливаюсь. Стоит только пару часов провести за городом – и усталости как не бывало, снова хочется жить и работать, идеи новые в голову приходят».

Участок и домик у Димы были так себе. Четыре сотки, старенький потемневший сруб. Но место дачного кооператива, действительно, оказалось замечательным. Рядом – лес, речка. Туда, действительно, хотелось сбегать из мегаполиса…

И вот сегодня Димка проснулся не от пения птиц.

В дверь принялись колотить полицейские.

Они потребовали, чтобы им позволили осмотреть дом и машину.

В домике ничего подозрительного они не обнаружили. А вот в Димином автомобиле нашли сверток с антикварными украшениями. И нож, которым, возможно, был убит Тимофей Козлов.

– Хорошо, что вы в каком-то смысле из нашей системы, – распинался следователь, поглядывая на часы. – Не будете тут сцен закатывать, чтобы срочно отпустил вашего мальчика; сами понимаете – невозможно. Пока Дмитрий задержан на семьдесят два часа. Но вы же в теме, те же экспертизы сделать – время надо, так что срок будет продлеваться. Конечно, я знаю, что парень положительно характеризуется, не имел проблем с законом. Ну и журналист – это тоже придется учитывать, с этим братом поосторожнее надо. Я постараюсь побыстрее провести проверку на детекторе лжи. Если он ее пройдет – без вопросов, будет участвовать в следственных мероприятиях на свободе. Рукоятка ножа, которым совершено убийство, протерта, снять оттуда «пальчики» криминалист не смог. Конечно, только на этом доказательную базу о непричастности к убийству не выстроишь. И все-таки с учетом интересов вашего сына – это положительный момент…

* * *

– Ну что, какие новости? – поинтересовалась Ольга таким ровным голосом, как будто бы речь шла о погоде.

«Димке повезло с женой», – невольно подумала Наталия.

Глаза у невестки были сухими, выражение лица – деловито-решительным, стоящий на кровати ноутбук мерцал страницей с советами «как собрать передачу в тюрьму». По соседству с ноутбуком лежали стопки маек, трусов и два свитера – тонкий и теплый, крупной вязки.

– Ах ты, вредина! А ну отдай! – Ольга метнулась к креслу, извлекла из пасти устроившегося там серого цвергшнауцера носок и укоризненно покачала головой. – Ну и собачка у нас! К игрушкам Жужа равнодушна совершенно! Но вот носки и цветы погрызть – лучше для нее развлечения нет!

– Девочки, я чайник поставлю, – Леня снял пиджак, пригладил ладонью волосы. – Я сегодня даже кофе попить не успел!

Леня скрылся на кухне, и Жужа, бросив печальный взгляд на носок в руках Ольги, деловито поковыляла за ним следом.

– Лень, не угощай Жужика, – прокричала Наталия, присаживаясь на диван. – Собака и так толстая!

Ольга слабо улыбнулась:

– Не угостить Жужика невозможно. Она так смотрит на еду – кусок застревает в горле… Знаете, а я уже с нашими ребятами из отдела криминальных новостей поговорила. Они сказали – быстро Димку вряд ли отпустят, так что надо ему вещи для СИЗО собрать.

– Надо, – кивнула Наталия, пододвигая к себе ноутбук. Любопытно, да тут целый сайт создали для родных тех, кто находится в местах лишения свободы. Чего только нет сегодня в Интернете! Вздохнув, она продолжила: – Диму обвиняют в убийстве, в его машине нашли нож, которым был зарезан какой-то парень, и сверток с антикварными украшениями.

Ольга схватилась за голову:

– Нож? Антиквариат?! Но это же бред!

– Бред, конечно. Следователь по этому делу вроде не полный отморозок. И это радует. Он пообещал, что если Димка пройдет проверку на детекторе лжи, отпустит.

– Как здорово!

Наталия кивнула:

– Здорово. Но это не отвечает на главный вопрос, кто…

– …решил перевести все стрелки на Диму, – закончила Ольга, взяла ноутбук и поставила его себе на коленки, – вот, я уже сама весь мозг сломала. Это Димин ноут, и тут инфа по всем темам, над которыми он работал, – ее пальцы быстро застучали по клавишам. – Я поняла две вещи. Муж рассказывал мне о своих творческих планах все. Я не нашла ни одной папки, содержание которой показалось бы мне незнакомым. Я тоже всегда обсуждаю с ним темы, над которыми работаю. А так удобно. Со стороны-то виднее. Что-то Димка мне подсказывает, что-то я ему.

Наталия закивала.

Действительно, когда семья занимается одним делом, причем любимым, – это здорово. Разве могла бы она с кем-нибудь, кроме судебного медика, обсуждать за ужином нюансы недавнего вскрытия? А с Леней может запросто. Когда Дима привел Ольгу знакомиться и выяснилось, что избранница сына тоже журналистка, это был еще один плюс к ее достоинствам. Конечно, отношения могут складываться по-разному. Только принадлежность к одному профессиональному цеху залогом всенепременного счастья не является. Но от Ольги априори можно было не ожидать скандалов по поводу ненормированного Димкиного рабочего дня, частых командировок.

– А во-вторых, – продолжала Ольга, открывая папки, – я проанализировала темы, и только одна мне показалась потенциально конфликтной. Дима работал над материалом о массовом отравлении собак. Вы же сами ему наводку дали!

Наталия опять кивнула.

Действительно, в последнее время гулять с собаками стало опасно. Какие-то придурки разбрасывают повсюду отравленную неустановленным ядом еду. Понять, какой именно яд они используют, невозможно. Хозяева погибших животных неоднократно предоставляли своих питомцев для экспертизы, справедливо решив, что их четвероногим друзьям уже не помочь – так пусть хотя бы удастся предотвратить гибель других собак. Но пока все исследования результата не дали. Преступники травили животных какой-то дрянью, совершенно не соответствующей ядам, для выявления которых в лабораториях имелись реактивы. То, что смерть животных наступала именно от отравления, на вскрытии сомнений не вызывало. Однако нет реактива – невозможно установить яд – нельзя и подобрать противоядие. Пока разорвать эту цепочку не получалось. Хотя количество печальных случаев все увеличивалось.

– Дима собирался писать на эту тему. Но обычно неприятности начинаются, когда журналист публикует статью. А этот материал про отравления еще даже не был написан, Дима все ждал, когда появится информация по ядам. Не думаю, что кто-то из отравителей собак решил так странно свести счеты с Димой. Я бы не удивилась, если бы они попытались отравить Жужика. Но – антиквариат, убийство… Как-то это нелогично! Или они специально так все устроили – чтобы именно их никто не заподозрил?

– Покажи мне папку с этой информацией, – Наталия пододвинулась ближе к Ольге. – Дима уже накопал что-то конкретное? Он знал, кто травит собак?

– Он нашел данные с видеокамеры. Там видно, как двое людей, похоже немолодых, разбрасывают отравленную еду. На записи даже можно рассмотреть, как голубь подлетает, хватает пищу, отлетает – и через полминуты набок заваливается. Но лиц людей не разобрать.

– А кто знал, что Дима работает над этой темой?

– Да вся редакция! Мы на планерке всегда обсуждаем самые разные идеи, и если редактору мысль концептуально нравится – репортер начинает собирать фактуру, договариваться о встречах. Но журналист не рассказывает, как идет работа над темой. Мы не отчитываемся о подготовке материала. Просто после того, как текст готов, он посылается редактору. О том, что Дима нашел видеозапись, кроме меня никто не знал.

– Точно?

Ольга пожала плечами:

– Я думаю, да. Мы же дружим в основном с ребятами из нашей редакции. За весь день так запаришься работой, что с друзьями уже ничего обсуждать особо желания не возникает. Дима не имел такой привычки – рассказывать о материалах в стадии подготовки.

Наталия встала с дивана и заходила по комнате:

– Если подстава не связана с профессиональной деятельностью Димы, то я даже не могу представить, в каком направлении искать. Врагов у Димы, кажется, нет. Он никого не обижал, не подставлял. Или я чего-то не знаю?

– Тогда и я чего-то не знаю тоже, – Ольга стала аккуратно складывать свитера. – Мне кажется, Дима никому ничего плохого не делал. И он очень многим помогал…

Глава 2

Татьяна Лаппа, 1924 год, Москва

Я делаю то, чего делать не должна была.

Но и находиться более в неведении нет никакой мочи.

Михаил Афанасьевич полчаса как ушел на службу в «Гудок». И вот я (убедившись, что ничего, нужного ему для работы, муж не забыл дома и не воротится в ближайшее время) подхожу к его письменному столу. Безо всяких сомнений открываю ящик и вытаскиваю ворох бумаг.

Черновики его пьес и романов сразу откладываю в сторону – не то мне надобно.

Письма сначала тоже откладываю – но потом беру стопку листков, перебираю их.

Иногда Мишенька пишет письмо несколько дней. А потом раздумывает отправлять. Или отправляет – переписав набело. Еще во Владикавказе, когда он только начинал пробовать сделаться журналистом, муж стал очень требовательным не только к статьям своим, но и к письмам, дневниковым записям. И письмо, написанное сумбурно, заставляло его страдать.

А вдруг и правда меж этими листками, адресованными родне, затерялось и письмо к *той?..*

Перебираю бумаги. Взгляд невольно цепляется за строчки – и на глаза наворачиваются слезы…

«… Идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни. Въехав 11/2 месяца тому назад в Москву в чем был, я, как мне кажется, добился максимума того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. В этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим. Запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. п. Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день. Идет полное сворачивание учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадает под него и, по-видимому, доживает последние дни. Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п. ч. вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно. Бедной Таське приходится изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба, как рыбы об лед. В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы – все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна. Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам. Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель. Но авось! Лишь бы комната и здоровье! Не буду писать, п. ч. вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров. Такова школа жизни. По ночам урывками пишу «Записки земск. вр.». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! Вот что больно для меня!»[3]

Отложив Мишино письмо, смахиваю слезы.

Он никогда не говорил мне, что благодарен за мою помощь.

---

[3] Из письма Михаила Булгакова к матери в Киев 19 ноября 1921 г.

Что Москва с последними нашими голодными-холодными трудностями, про которые пишет он в письме матери!

Помню, как вернулись мы с Мишей из Вязьмы в Киев, и муж твердо решил покончить с морфием. Иван Павлович Воскресенский[4] стал давать мне ампулы для Михаила – якобы с морфием. Но был тот раствор для инъекций сильно разбавленным. А потом и вовсе давал уже Иван Павлович дистиллированную воду.

Думала, с ума сойду – Мише плохо, руки трясутся, весь в поту, несет всякую околесицу. Боялась, он не выживет. Как-то сделалось ему так дурно, что он даже чувств лишился. Упал в обморок, а у него тогда пациент был[5]. В общем, пациента того как ветром сдуло, что вполне объяснимо: хорош врач, что на приеме чувств лишается и ему самому срочнейшим же образом доктор требуется! А Мишенька потом закрылся в своей спальне и боялся выходить. Я ему: «Пошли прогуляемся, погода чудесная, с нашего Андреевского спуска весь город как на ладони!» Он только стонет: «Боюсь я, Таська». Только через неделю стал он уже потихоньку выходить. Один гулять не мог и того дольше, приходилось всегда сопровождать его.

Не успела я нарадоваться Мишенькиному выздоровлению – как стали ходить слухи, что Петлюра будет со дня на день. Не хотели мы Петлюру. При немцах в Киеве было шикарно! Дамы носили шляпы, духи и пудру в лавках разбирали быстро, билетов в театр не достать. А петлюровцы, сказывали, людей стреляют – вот просто так могут в дом зайти, вынести серебро, а хозяину – пулю в лоб.

Самые худшие опасения подтвердились.

Мишеньку принудительно мобилизовали как врача.

Он вынужден был уйти с ними. Прощался со мной – словно бы навсегда.

Через месяц, впрочем, удалось ему бежать и даже благодаря какому-то невероятно счастливому стечению обстоятельств вернуться домой.

Но еще в ту ночь, когда спустилась я, чтобы отворить ему дверь, стало мне понятно – не тот уже Михаил стоит на пороге.

Морфий так его не выжег, как петлюровцы.

Он старался ничего не говорить о том, как прошел тот месяц его жизни. Но во сне мучили его кошмары, он кричал, бредил.

И я из тех его бессвязных реплик поняла: слишком много Мишенька видел. Видел и расстрелы, и грабежи, и как женщин сильничают. Увидев такое, прежним быть уже возможности никакой не имеется…

Потом вступил муж в войска Юга России. И стали мы отходить вместе с белыми: Грозный, Беслан, Владикавказ.

Помню, жили мы тогда на мою золотую цепь. Мне родители подарили золотую цепочку с палец толщиной. Когда продукты заканчивались, я шла к ювелиру, он отрезал пару звеньев цепочки. А на рынке я уж потом меняла их на картошку, постное масло и балык.

«Съедим цепь – придется браслетку продавать», – сказала я как-то мужу. Тот покачал головой: «Ты что, Тасенька! Это же мой талисман, нельзя его продавать». Он всегда так говорил про мои вещи – что это его вещи. Хотя собственных средств к существованию у Миши давно уже не имелось.

Особенно не хватало денег, когда заболел муж сыпным тифом и надо было платить доктору, покупать лекарства.

Белые отошли, я с больным Мишенькой осталась. Просить помощи было не у кого. Но, к счастью, оставались у меня еще какие-то вещи, которые охотно брали в ломбарде. А как

---

[4] Второй муж матери Булгакова, врач.

[5] После возвращения в Киев в 1918 году Михаил Булгаков практиковал как врач-венеролог.

жили в те годы те, у кого и вовсе не имелось никаких вещей на продажу, я и представить себе не могу; умирали, должно быть, натурально голодной смертью.

Когда я каким-то чудом выходила мужа – он разразился упреками. «Почему ты меня за границу не вывезла? Почему мы не уехали из России?» – только и твердил он с утра до вечера.

А как его было везти, когда у него жар страшенный и все тело горит?

А где денег взять на билеты?

Мы жили очень трудно. Одежду еще можно было как-то починить и придать ей надлежащий вид. А обувь рассыпалась.

Поправившись, стал муж пытаться пристроиться журналистом в разные газеты.

Я ему робко предложила: а что же медицина, врачам работу найти несложно, и тогда пациенты давали бы ему денег, а я могла бы продукты покупать.

Но Мишенька сказал, что с медициной покончено, он хочет писать.

«О чем писать?» – спросила я. Он не ответил, только нахмурился недовольно, всем своим видом показывая: что со мной говорить, разве я понимаю в чем-либо, кроме приготовления обеда?

Впрочем, когда сочинял он, то любил, чтобы я находилась рядом, с вязанием или книгой. У него от долгого писания немели пальцы. Тогда я бросалась согревать для него воду на керосинке, и Миша опускал руки в большую миску с теплой водой.

Мишины статьи и фельетоны печатали неохотно. Жили мы в основном на мое жалованье, которое я получала на службе. Кем только тогда я не работала – и актрисой в театре, и даже машинисткой в уголовном розыске!

Конечно, нам надо было в срочнейшем же порядке уезжать.

Иду на службу, встречаю дворника. Тот мне: «Здравствуйте, барыня!» Цыкну на него: «Какая я тебе барыня?! Татьяной Николаевной зови!» А он улыбается нехорошо: «Да как же вас Татьяной Николаевной звать, когда муж ваш, доктор, у белых служил».

Тут невольно подумаешь: придется бежать куда угодно – лишь бы на новое место, где никто не знает ни меня, ни Мишеньку. Останься мы тогда – арестовали бы всенепременно.

Миша решил, что мне надо отправляться в Москву. А он… он попытается выехать за границу.

Муж убеждал меня, что, как только выедет и освоится, непременно заберет меня с собой. Но, говоря слова любви, пламенно меня в ней уверяя, Миша отводил взгляд – и я поняла: все кончено, мы расстаемся.

Не зная, как досадить ему побольнее, отобрала я у него свою браслетку, которую он всегда носил на запястье.

Тогда муж предал меня в первый раз.

Оставил, не сказав ничего: ни прости, ни прощай, ни благодарю.

Через год, когда случайно столкнулись мы в Москве у каких-то друзей, я не обрадовалась, не заволновалась. Я не почувствовала ровным счетом ничего, выгорела вся моя любовь.

Только Миша все настаивал, говорил – мы муж и жена, нам надо быть вместе. Он привел меня в свою комнату на Большой Садовой, рассказывал, какая славная жизнь у нас теперь начнется.

Я понимала все его тайные мысли.

Да, времена тяжелые, голодные. А я уже за столько-то лет, прожитых вместе, показала – умею быть и сильной, и надежной. «Вдвоем проще, чем поодиночке. Многие ведь так живут. Любовь проходит, а люди живут вместе. Я больше не люблю его и никогда не полюблю», – убеждала я себя.

Только потом любовь как-то снова незаметно просочилась в мое сердце.

Миша такой слабый был, часто простужался. И я понимала: не принесу ему чаю с сахарином – и никто не принесет. Потом у него валенки рассыпались, и не мог он бегать по Москве в поисках места.

Жалела, жалела – и вот незаметно для себя самой и снова уже полюбила мужа всем сердцем и всей душой…

– Таська, мою пьесу берут для театра!

Помню, прибежал он тогда – пальто нараспашку, глаза сияют, в руках бутылка шампанского.

А уж я как за Мишу радовалась!

Значит, все не зря: его ночи бессонные, работа на износ после треклятой газеты, и все эти вышагивания по комнате вдоль окон, когда, бормоча, перебирал он слова, пытаясь найти самое точное…

Как я любила его, как гордилась им! Потому что только я знала: никакой он на самом деле не сильный, а весьма слабый, больной, вечно во всем сомневающийся. Он очень большую цену за успех свой заплатил.

Я радовалась – а Миша отдалялся.

Как-то рассказал мне, смеясь, что Толстой будто бы советовал всем писателям жен три раза менять – иначе никакого творчества не будет.

Я обиделась жутко, и хотелось мне даже Мише пощечину дать.

Что, жена – как платье. Хочу – переменяю, когда надоест?!

А потом перестал он шутить со мной. И разговаривать тоже перестал.

Приходит поздно, не голодный, отмалчивается.

Мне рассказали – видели его в кафе *с той*, с Любой[6]. Рассказывала она ему о Париже да Берлине, а Миша внимательно слушал.

Сначала Люба еще к нам домой приходила. Конечно, шикарная она дама, и всегда от нее духами приятно так пахнет. Притворялась она доброй и даже пыталась учить меня танцевать фокстрот – как будто бы мне было где его танцевать. Помню, в Киеве, когда только повенчались мы, Миша еще любил со мной по кафе и театрам ходить. Но уже давно никуда меня не приглашает. Правда, приходят к нам гости, Мишины друзья-литераторы, и я кормлю их борщом, а потом пою чаем из большого самовара.

Потом, когда уже *началось* у Любы с Мишей, в комнату нашу приходить ей было стыдно.

Мне рассказывали – она встречается с Мишей в кафе, в гостях у общих знакомых.

Боюсь, бросит меня муж.

Он ведь все примечает: и то, что вещей у Любы больше. Она их из Парижа привезла – а мои все вещи, кроме браслетки, мы уже давно проели. К тому же и знакомств у Любы много среди всяких писателей да журналистов. Значит, сможет она и за Мишу словечко замолвить. А я перед кем его похвалю? Перед торговками с рынка разве что…

На самом деле, вот это занятие – перебирание Мишиных бумаг – совершенно бессмысленно.

Я ведь уже предчувствую неизбежное: муж опять бросит меня, предаст, как он уже это делал.

Просто идти им пока некуда. Квартиры у Любы не имеется. Выгнать меня на улицу Мише остатки совести не позволят. Так что пока они не найдут себе комнаты – мой муж будет отмалчиваться, прятать взгляд и называть сквозь сон имя *той*, разлучницы…

---

[6] Любовь Белоцерковская – вторая жена Булгакова.

* * *

– Я надеюсь, все это останется между нами, – Игорь Павлов обернулся и выразительно посмотрел на идущих за ним по коридору Наталию и Леонида. – Конечно, я не могу отказать однокурснику. Но вы же понимаете: в случае чего меня по голове за такие фокусы не погладят!

– Конечно, – пробормотала Наталия, машинально отмечая: морг, в котором работает приятель Лени, все-таки будет поновее того, где трудится она с мужем. Здесь светлее и дышится намного легче. Похоже, современная система проветривания и кондиционирования дорого стоит – в этом помещении почти не улавливается едкий, неприятный запах формалина. Или, может, тут просто в подвале невостребованные трупы не гниют? Хотя это вряд ли, такая картина везде. И наконец-то нашелся хоть один человек, который об этом прямо написал, – Александра Маринина в трилогии «Оборванные нити», очень даже толковый взгляд на работу судебных медиков…

– Старик, ты можешь быть полностью уверен – мы будем молчать, как партизаны. – Леня с любопытством оглядывался по сторонам. – Да, слушай, ремонт у вас сделали крутой. Может, и мы когда-нибудь до такого доживем.

– А что вы хотите увидеть на теле этого парня? – поинтересовался Павлов, останавливаясь. – Давайте, проходите, вот здесь у нас холодильники. Кстати, Козлова еще не вскрывали, назавтра назначено.

Наталия пожала плечами.

И Павлов, и ее муж правы – внешний осмотр трупа, скорее всего, никак не может доказать непричастность Димки к убийству. Особенно с учетом того, что тело хранилось в холодильнике, тут даже со временем наступления смерти особо не проконтролируешь эксперта, осматривавшего труп на месте происшествия. Только если явный косяк – давность наступления смерти двое-трое суток, а делается вывод о том, что смерть произошла сутки назад, именно тогда, когда Димка был на даче. Конечно, хочется доверять коллегам. По логике выходит: никто на себя брать ответственность и фальсифицировать выводы в интересах следователя не будет. Но разве всегда в этой жизни все происходит по логике или по совести? Лучше проконтролировать ход дела, изучить нюансы своими собственными глазами. А еще Димка – левша. В плохих детективах судмедэксперт чешет затылок и потом глубокомысленно изрекает: «Преступник был левшой». На самом деле по характеру нанесения ран не скажешь, левша их нанес или правша. Возможно, если колоть статичный манекен – можно понять, какой рукой нанесены повреждения. Но на практике речи ни о какой статичности не идет – люди двигаются, перемещаются, борются друг с другом…

Павлов уверенно прошел между лежащими рядами телами и остановился у большого массивного трупа.

– Вот он, ваш Тимофей Козлов, – Игорь посторонился, пропуская гостей ближе к телу. – Высокий был парень, сто девяносто четыре сантиметра.

Наталия прищурилась и кивнула: да, коллега определил рост верно. Навык безошибочно указывать рост формируется у судмедэкспертов довольно быстро. В быту это здорово упрощает покупку одежды для близких. Никогда никаких проколов с тем, что вещь не подошла, оказалась слишком длинной или слишком короткой. Глаз-алмаз – это про судебных медиков. Профессия требует колоссальной внимательности. И подобрать близкому человеку одежду без примерки – просто детский лепет в сравнении с теми задачами, которые приходится решать ежедневно.

– Симпатичный парнишка, – Леня грустно вздохнул, достал из кармана две пары перчаток, протянул одну жене. – Слушайте, люди, а ведь мы не зря сюда приехали…

Наталия смотрела, как Леня расстегивает рубашку на груди парня, и понимала, о чем идет речь.

Ранения на трупе оказались вертикальными, направленными сверху вниз. Поэтому и потеки крови на одежде были вертикальными, а раневые каналы шли вниз. Особенно четко это прослеживалось на колото-резаной ране, нанесенной в брюшную полость.

Это могло свидетельствовать о том, что убийца тоже был довольно высоким.

– Рост нашего Димки – сто семьдесят девять сантиметров. Нормальный мужской рост – но потерпевший же очень высокий, – прошептала Наталия, наклоняясь над телом Козлова.

Павлов вздохнул:

– Ребята, мне жаль, но вы ничего не докажете. Даже если следователь задаст вопрос о росте убийцы, однозначного ответа не будет. Есть же еще рельеф местности. Или я что-то путаю и тело в помещении нашли?

– Тело нашли в лесополосе, – Наталия бросила на коллегу недовольный взгляд. – И я все понимаю, рельеф. Действительно, потерпевший мог стоять ниже убийцы, и поэтому характер нанесения ударов вызывает предположение о том, что убийца и потерпевший одного роста. Я сама ржу, когда встречаю в книжках выводы о росте убийцы на основании экспертизы трупа. Но когда спасаешь своего ребенка, то цепляешься за любую соломинку. Нам с Леней надо поехать на место происшествия и осмотреть поляну, где нашли тело парня. А вдруг появится ниточка…

* * *

Тимофея Козлова Наталия сначала почувствовала.

Присутствие недавно ушедших из физического тела людей ощутить достаточно просто. Они дают о себе знать живым условным знаком – легким ознобом, ледяным сквозняком, пронизывающим ветром, обхватывающим сначала голени, а потом бедра и все тело. Если в теплой комнате, где сроду не было никаких щелей в окнах, вдруг тянет холодом – значит душа недавно умершего человека находится где-то поблизости.

Ежась от трогающих то руки, то ноги морозных уколов, Наталия огляделась по сторонам. И замерла.

Метрах в тридцати от той поляны, где был обнаружен труп Тимофея Козлова, стоял высокий крепкий парень лет двадцати. Ладони он прижимал к животу. И на его бледном лице застыло такое растерянное, по-детски обиженное выражение, что у Наталии стиснуло сердце.

«Мне говорили: мертвые далеко не сразу понимают, что они мертвы, – пронеслось в голове у Наталии. – Помню, экстрасенсы на проекте, общавшиеся с миром мертвых, рассказывали: выход души из тела практически не ощущается. И еще в течение года сохраняются энергетические оболочки, позволяющие практически полностью воспроизводить ощущения физического тела. Тела уже нет – а ощущения в нем присутствуют. Мне эти знания в какой-то степени помогли, когда я сама находилась между жизнью и смертью. По крайней мере, когда моя душа вышла из тела, я не бегала в слезах перед своими близкими, крича о том, почему они меня не видят и не слышат…»

«Значит, я все-таки умер?»

Наталия снова вздрогнула.

Да, иногда даже в морге душа тела, лежащего на секционном столе, неожиданно возникала рядом и пыталась ей что-то сказать.

Но привыкнуть к такой разговорчивости то ли мертвых людей, то ли человеческих душ даже после большой эволюции сознания и более чем странного личного опыта все равно очень сложно…

«Смерти нет, Тимофей, – подумала Наталия, искоса поглядывая на мужа. Леня в упор не видел убитого мальчика; осматривал поляну, что-то мерил рулеткой, потом делал отметки в блокноте. – Наши души бессмертны. Разделившись с физическим телом, мы еще какое-то время находимся на Земле. А потом большинство уходит».

«Куда? Куда мне надо идти?» – лицо парня стало испуганным.

«Я не знаю, Тимофей. Я еще живая и я не знаю, что за путь предстоит пройти после того, что люди называют смертью. Я думаю, что большинство душ отправляются в какое-то специальное место, где проходит анализ того опыта, который душа получила в физическом теле. Опытные экстрасенсы мне рассказывали, что многие души приходят на Землю в физические тела много раз. И, получив опыт, позволяющий полностью понять волю Бога, они больше не воплощаются, становятся духовными наставниками других людей, которые только начинают идти по пути познания Бога… А некоторые души все-таки остаются на Земле. Чтобы помогать своим близким… Все это сложно, и я не очень хорошо во всем этом разбираюсь, если честно. Тимофей, а вот скажи мне, пожалуйста…» – Наталия почувствовала, как от волнения все ее внутренности сжались в комок.

Парень перебил ее:

«Меня зовут Тим».

«Хорошо, Тим. Тим, скажи мне, пожалуйста, кто тебя убил? Для меня это очень важно».

На красивом лице парня появилось надменно-насмешливое выражение:

«Тебе зачем? В чем твой интерес?»

«По подозрению в убийстве тебя задержан мой сын».

«А я откуда знаю, что тебе можно верить? Может, мой убийца и есть твой сын?»

«Нет, Тим. Это невозможно. У моего сына полно недостатков, но, в общем и целом, он – замечательный человек. И он – не убийца».

«Да ладно, не парься. Не ты одна такая. Матери всегда все узнают в последнюю очередь».

Наталия пошатнулась. Ей показалось, что все жизненные силы испарились из нее за доли секунды. И она сразу же вспомнила, что о чем-то подобном она тоже болтала с экстрасенсами.

Души, разделившиеся с физическим телом, как правило, чаще всего хотят вернуться обратно в тело. Но у них уже нет возможности получать энергию. Только тело через еду и сон способно давать много сил, позволяющих человеку жить. Астральный мир более тонок. Там уже нет физических тел, пищи. Но в нем можно получать энергию за счет эмоций тех, кто находится в физическом мире. Страх – самый мощный эмоциональный выплеск. Вот почему те, кто находится в астральном мире, часто пугают обитателей физического мира. Они рассчитывают получить ту питательную мощную силу, которая позволит им вернуться в физический мир.

«Тим, я не боюсь тебя. У тебя ничего больше не выйдет из идеи вывести меня из равновесия. Ты и так получил достаточно моей энергии, – Наталия с тоской наблюдала, как парень отходит все дальше и дальше. Ее испуг явно пошел ему на пользу, Тим больше не выглядел обессиленным. – Давай, Тим, не вредничай. Я не могу тебе помочь. А ты мне – можешь. Я не хочу, чтобы моего сына посадили в тюрьму за то, что он не совершал…»

«А мне все равно, кого за это посадят. Я хочу, чтобы всех посадили! Всех! Потому что я мертвый, а вы, уроды, живые! – Тим обернулся, и от болезненно-отчаянного выражения его лица у Наталии мороз прошел по коже. – Сгубили меня ради какого-то заплесневелого браслетика! Я-то думал бабок закосить, старье это антикварное, что предки собирали, продать. Мне были нужны новые ролики крутой фирмы – а бабла на них не было… Из-за одного золотого браслета все закончилось. Я понимаю – ради лимона гринов человека валить. Но всему этому золоту цена – три копейки».

«Но разве ты не хочешь, чтобы твой убийца был наказан?»

«А что для меня это изменит? Я жить хотел. Если бы ты, сука долбаная, знала, как я хотел жить! У меня же все только начиналось. И больше ничего уже не будет! А ты хитрая – думаешь, я тебе помогу? Иди ты в задницу со своими проблемами! Я вообще не понимаю, кто ты. Меня никто не видит, а ты почему-то видишь! Да пошла ты!..»

Наталия мысленно выругалась и повернулась к мужу.

Стараясь не обращать внимания на звенящий в сознании поток ругательств Тима, она поинтересовалась:

– Что твои расчеты? Тут есть небольшой уклон. Я так понимаю, что если парень стоял ниже своего убийцы, то мы вполне могли ошибиться, решив, что они одного роста?

Леня покачал головой.

– Конечно, у меня нет приборов, тут бы хорошо градус уклона измерить. Но все-таки он не настолько значителен. Я примерно прикинул – все-таки даже с учетом рельефа рост убийцы никак не ниже ста восьмидесять восьми сантиметров. Только это, конечно, доказательством в деле не сделаешь, расчеты приблизительны. И никто в официальном заключении на себя такую смелость не возьмет.

– Леня, а ты помнишь… – Наталия старалась, чтобы голос звучал спокойно, чтобы ее волнение не помешало мужу вспомнить одну очень важную деталь, – ты помнишь, что именно было в списке антикварных украшений, которые якобы нашли в Диминой машине?

Муж кивнул:

– Думаю, да. Следователь сегодня перечислял серьги, колье, кольцо, перстень и портсигар.

– А браслет?

– И браслет. Серебряный.

– Точно серебряный, а не золотой?

– Думаю, да, – Леня достал из кармана сотовый. – А я мобилу записал этого следака Семенова. Позвонить, уточнить?

– Да, пожалуйста.

«Тим говорил, что его погубили из-за золотого браслета, – думала Наталия, нетерпеливо поглядывая на Леню. Ей казалось, что время остановилось – и это в самый ответственный момент. – Но я тоже вспомнила – золотого браслета не было в списке найденных в Диминой машине вещей. Следователь говорил про серебряный браслет. Не думаю, что Тим мог что-то перепутать. В конце концов, кто, как не он сам, точнее всех знает, из-за чего его убили? Или я просто очень хочу увидеть выход там, где его нет?..»

Наконец, спустя пару минут, показавшихся Наталии целым столетием, Леня провозгласил:

– Золотого браслета в машине Димы найдено не было. Родители Тимофея Козлова заявили: из квартиры исчезло намного больше вещей, чем найдено у Димы. Всего у них похитили целых два браслета, один золотой, типа крупной цепочки, второй – серебряный, с полудрагоценными камнями, в форме змейки. И еще пропал серебряный гребень, недорогой, но очень старинный. Золотого браслета и серебряного гребня в Диминой машине не нашли. Хотелось бы знать, где эти вещи?

– Мне бы тоже хотелось, – пробормотала Наталия, беря мужа под руку. – Слушай, поехали домой? У меня сил совсем нет, сейчас, кажется, упаду.

– Не надо падать, – взгляд у мужа стал веселым. – Я, конечно, сильный рыцарь. Тебя не брошу и донесу до машины. Но лучше ты сама до «тушкана» уж как-нибудь доберись. Останавливать коня на скаку и входить в горящую избу необязательно.

«Ага, приколист. Интересно, шутил бы Леня, если бы знал, что я побеседовала с призраком? Потом расскажу мужу про разговор с Тимом, – решила Наталия, проклиная свою привычку носить обувь на высоких каблуках. Сейчас выхаживать на них по траве было очень

неудобно. – Если расскажу… Вот представляю: мой Ленька мне сообщает, что имел беседу с умершим человеком. Я бы, наверное, точно решила, что у него с башней проблемы… – Она огляделась по сторонам и покачала головой. – Кстати, а ведь этот парнишка исчез. И я даже не заметила, как именно у него это получилось».

* * *

– Это был мой единственный ребенок. У мужа еще есть дочь от предыдущего брака. А у меня – никого. Тима больше нет. Зачем мне теперь жить?..

Наталия открыла сумочку, достала оттуда пачку бумажных платочков и протянула ее Марине, маме Тима. Та кивнула в знак благодарности, промокнула глаза и всхлипнула.

Когда Наталия ей позвонила, чтобы договориться о встрече, женщина разговаривала с ней агрессивно.

– Послушайте, ваш сын сидит за то, что убил моего, – о чем мне с вами говорить? – истерично рыдала она в телефонную трубку. – О том, что ваш ребенок жив, а мой – нет?..

Наталия сама не понимала, как ей удалось разузнать у находящейся в совершенно невменяемом состоянии женщины домашний адрес. Никакой уверенности в том, что Марина Козлова откроет ей входную дверь, у нее не было.

Но сейчас волна истерики Марины явно улеглась. Ей на смену пришло тихое, глубокое, выжигающее душу горе, которое, как саван, окутало хрупкую фигурку матери Тима.

«Уж лучше бы эта женщина орала, – подумала Наталия, сочувственно глядя на заплаканное лицо с правильными выразительными чертами. – Если нападают – приходится защищаться. Но когда человек открывает свою боль – она ранит и того, кто рядом. Я понимаю – родители не должны воспринимать своих детей как собственность, причем данную навеки. У каждого ребенка – свой путь и своя судьба. Я все понимаю. Но я бы на месте этой Марины свихнулась. Я бы такого не пережила. И я не знаю, что сказать женщине, потерявшей единственного сына. Тут любые слова глупы, банальны и совершенно бесполезны… Я так остро чувствую сейчас ее горе, что у меня сердце просто разрывается…»

Наталия украдкой оглядела гостиную.

Выглядела она довольно скромно: лет двадцать назад сделанная потертая мебель, старый, не плазменный телевизор, выгоревшие шторы. По стенам развешаны жуткие африканские маски, добавляющие атмосфере мрачности. А еще в гостиной стоит много крупных растений в больших горшках – фикусов, монстер, пальм.

«Такие цветы в больницах да поликлиниках обычно растут, – резюмировала Наталия свои наблюдения. – В целом обстановка гнетущая и старомодная. Я иначе представляла себе быт людей, увлекающихся антиквариатом. И еще странно, что тут нет ни одной вещи, которая могла бы принадлежать Тиму. Ни ноутбука, ни бейсболки, ничего. Он что, жил отдельно от родителей?»

– Не могу привыкнуть, что его больше нет. Мне кажется, он сейчас в комнату войдет, – Марина отложила скомканную салфетку. – А как зовут вашего сына?

– Дмитрий Писаренко. Ему тридцать семь лет, журналистом в газете работает. Тим говорил когда-нибудь о Диме?

– Нет. А ваш сын катается на роликах?

Наталия покачала головой:

– Никогда не интересовался. Он в детстве и на обычных-то коньках не катался. Футбол любил, книги. А почему вы спросили?

– Наш Тим катался на роликах. У него все друзья – роллеры. Но вообще сын мало что о своих друзьях рассказывал. И к нам домой никого не приводил, стеснялся. Сложно сейчас молодым. Соблазнов много, возможности хорошо заработать есть не у каждого… Тим,

конечно, ничего нам не говорил. Но мы с мужем видели, что не можем дать ему все, что ему хочется. И переживали.

– Я думаю, вы были очень хорошими родителями. И не беда, если у вашего сына не было всех этих остромодных гаджетов. Мода на них меняется каждые полгода. Они стоят кучу денег, а пользы от них на порядок меньше. Да и зрение садится катастрофически от тех же айфонов и айпадов. Глаза – это тот ущерб, который быстро осознается. Но есть ведь и медленная разрушительная работа. Я уже много лет судебным медиком работаю. Еще пятнадцать лет назад не было столько онкологии. Вот и думай, в чем причина – экология, питание, сотовые?..

Еще Наталье подумалось, что вообще-то Тим уже был достаточно взрослым, чтобы самому зарабатывать на все свои нужды. Парню явно за двадцать, и даже если он учился на стационаре, возможности подработать вечером все равно есть. Конечно, в случае возникновения желания работать, а не сидеть на шее у матери и отца. Тоже, блин, нашел способ решения материальных проблем – у родных родителей вещи украсть и продать. Ролики, видите ли, ему крутые понадобились. А честно заработать на них он не пробовал?

Но озвучивать эти рассуждения с учетом произошедшей трагедии Наталия не стала.

Да, этот парень, возможно, был эгоистом. Но он мертв. И от сочувствия к его матери разрывается сердце…

– Понимаете, – Марина развела руками, сглотнула подступивший к горлу комок, – я точно знаю, что если бы мы давали Тиму достаточно на карманные расходы, то он не стал бы воровать коллекцию мужа. И значит – остался бы жив. Тим часто говорил: «Давайте продадим эти ваши безделушки, купим мне крутой комп или новые ролики». Однако мы не соглашались. Коллекция досталась мужу от отца. Много мы за нее бы не выручили. Но нам украшения были дороги как память. И мы с мужем хотели, чтобы эта коллекция оставалась в семье, переходила по наследству… Мне кажется, у Тима пару месяцев назад появилась девушка… Он ничего о ней не рассказывал, не приглашал ее к нам. Но он постоянно писал эсэмэски и улыбался… и пропадал на роликовой трассе… Наверное, она тоже каталась на роликах. Тим хотел ей соответствовать – а коньки у него были старенькие… Как все глупо и страшно…

На глазах Марины снова появились слезы, и Наталия испугалась, что сейчас женщина опять разрыдается.

– А откуда в вашей семье появилась коллекция антикварных украшений? – быстро поинтересовалась Наталия, стараясь повернуть разговор на ту тему, которая была ей очень важна. – У вас есть фотографии похищенных вещей?

– Коллекция досталась от отца мужа. Он занимал высокую должность в КГБ. А отцу мужа вещи достались от деда, тот тоже в КГБ работал. Только вот Саша мой династию нарушил, инженером стал; ему чертить нравилось, проектировать… А КГБ – это та же армия, приказы, задания. Муж не выносит всего этого, ему командовать или подчиняться беспрекословно неинтересно… Вещицы у нас были недорогие, но очень красивые. Я сначала не понимала, почему муж так трясется над этими украшениями. Но стоит только раз подержать их в руках… У старинных вещей такая энергетика, что потом уже ни о чем думать не можешь, кроме новых вещиц. Но сами мы покупали мало. Я в школе работаю, Саша – в государственном НИИ, денег всегда в обрез было. А фотографии… – Марина встала с кресла, подошла к полке и взяла альбом. – Мы самые лучшие снимки следователю отдали. Но есть и другие фотографии. Муж все Тима просил, чтобы помог электронный архив сделать, у его приятеля сканер вроде был…

Прислушиваясь к словам женщины, Наталия листала альбом.

Да, Марина права: каждый экземпляр этой коллекции оригинален и очень эстетичен.

На портсигаре тонкая замысловатая чеканка, в колье виртуозно подобран переход камней по цвету.

Особенно красив серебряный гребень, инкрустированный фианитами. Такая тонкая работа – кажется, под микроскопом ювелир выплавлял воздушные завитки узоров.

А вот и те самые браслеты – в виде змейки и цепочкой.

«Ради золотого браслетика сгубили…» – жаловался вчера Тим.

Знать бы, почему именно из-за золотого? Он, кстати, выглядит проще, чем серебряный. И почему преступник оставил себе браслет и гребень? Они что-то значили, символизировали для него? Или украшения просто были потеряны? А может, их украли?..

«Сделаю скан фоток и размещу их на антикварных форумах, на своих страничках в социальных сетях, – решила Наталия, откладывая альбом. – В конце концов, несколько украшений из этой коллекции не было обнаружено в Диминой машине. Значит, возможно, они понадобились преступнику. И вдруг эта версия поведет меня в верном направлении? На следователя надежды нет. У него уже задержанный имеется. Только бы скорее вытащить Димку!»

Реакция на опубликование фотографий возникла даже раньше, чем Наталия предполагала.

Не прошло и трех часов, как фото были выложены в Интернете, а Наталия уже разговаривала по телефону с человеком, который обладал колоссальной информацией о незамысловатом золотом браслете.

Оказывается, эта простая, на первый взгляд, вещица имела отношение к писателю, которого совершенно справедливо называют классиком литературы и настоящим гением…

* * *

И вроде бы улица – не Большая Садовая, и квартира – совсем не номер 50.

Но все-таки Наталии было сложно отделаться от ощущения, что она находится в гостях у самого Михаила Булгакова. И дело даже не в том, что Ангелина Викторовна Павловская являлась счастливой обладательницей дорогой трехкомнатной «сталинки», с высокими потолками, просторной прихожей и уткнувшимися в раскидистые липы окнами. Здесь все, от кресла и телефона до полупрозрачных покрывал, прикрывавших горы подушек, было сделано в довоенное время.

«Только входная дверь современная. А межкомнатные двери – из прошлого (если не позапрошлого) века, – Наталия с любопытством осматривалась по сторонам. – Боже, да как они тут так живут! Вот это гостиная! Ни телевизора, ни компа! Ни кожаных угловых диванов, ни низких столиков, заваленных глянцевыми журналами. Зато есть патефон, радиоточка, самовар… У меня такое чувство, что я нахожусь в музее. Впечатление производит. Но вот мне лично жить в таком музее было бы некомфортно! При всей моей любви к Булгакову…»

Хозяйку квартиры, одетую в длинное летящее черное платье с эффектными разрезами, Наталии сразу же захотелось назвать Маргаритой. Высокая, темноволосая, с зелеными глазами – возле нее кружился шлейф дурманящих духов, который подчеркивал ее великолепие и опасность.

«Я знаю этот запах, «Коко Мадемуазель» от Шанель, – думала Наталия, невольно любуясь красотой Ангелины. – Но на ней он раскрывается особенно красиво…»

– Наталия Александровна, прошу, располагайтесь, – Ангелина Викторовна махнула рукой на что-то вроде скамьи, обтянутой шелком, на гнутых деревянных ножках. – Как мило с вашей стороны, что вы согласились приехать. И, Сергеюшка, – Ангелина повернулась к своему коллеге, булгаковеду Сергею Петровичу Власюку, и ее блестящие черные волосы, постриженные в каре, взметнулись пышным облачком, – я не могу передать, насколько я тебе признательна! Наталия Александровна, умоляю, расскажите мне все.

Выглядящая жесткой скамья оказалась неожиданно удобной. Впрочем, сидевшему рядом с Наталией Власюку вопросы комфорта были явно безразличны. Когда Ангелина говорила ему слова благодарности, у него стало такое счастливо-преданное выражение лица, что, кажется,

если бы не присутствие посторонних, мужчина бросился бы перед своей обожаемой ведьмой на колени.

– Ангел мой, я же тебе еще вчера все рассказал самым подробнейшим образом, – бодро затрещал Сергей Петрович, не обращая внимания на недоуменную гримаску на лице Наталии, явно старающейся сдержать саркастическую улыбку. – Вчера мне по почте приятель прислал ссылку на антикварный форум. Он написал, что там размещена фотография красивого серебряного гребня. Гребень, действительно, невероятно красив. Но когда я увидел снимок по соседству, то у меня просто руки задрожали. Я помнил эту браслетку. Есть только пара фотографий Михаила Афанасьевича, где ее можно хорошо рассмотреть. Я их открыл, увеличил снимок с форума. Совпало все! Гравировка, царапина на одном из звеньев. Никаких сомнений. Это та самая браслетка, которую Михаил Булгаков считал своим талисманом. И которую забрала у него после развода Тася, первая жена. Конечно, строго говоря, вещь принадлежала самой Татьяне Лаппа. И гравировка на пластинке – «Любимой Татьяне от родителей» – это только подтверждает, и…

Ангелина сделала едва заметный жест рукой, и Власюк замолчал на полуслове.

«Как пультом щелкнула, звук выключила. Во мужика выдрессировала, на щелчок пальцев реагирует. Или это он сам на почве большой любви выдрессировался? Зря, как мне кажется. Ну что тут интересного, если он, как собака, все по команде делает? Никакой интриги… Вообще, конечно, он еще вчера в телефонной беседе показался психопатом. Сегодня это мнение только укрепилось, – подумала Наталия, почти физически ощущая горе Сергея Петровича. Тот уже успел исстрадаться, наверное, решив, что обидел своего смахивающего на первоклассную ведьму «ангела». – Такой, пожалуй, ради своей дамы сердца на все готов. Меня сюда зачем-то притащил. Вообще мы уже по телефону все выяснили. Я признательна ему за помощь, но больше мне сказать ему нечего. У кого браслетка – понятия не имею. И можно сколько угодно говорить, что это ценная вещь, имеющая огромное значение для истории литературы. Я понятия не имею, где она…»

– Серж, я хотела бы поговорить с Наталией, – отчеканила Павловская, гневно сверкнув изумрудными глазищами. – И вопрос я адресовала именно ей. Пожалуйста, не заставляй меня сомневаться в твоих умственных способностях и знаниях правил приличия.

– Конечно, мой ангел, – преданно пробормотал мужчина. – Прости меня!

Наталия пожала плечами:

– Ангелина, я, правда, не знаю, чем могу вам помочь. По сути вопроса мне особо рассказывать нечего. Сына задержали по подозрению в убийстве. Я выяснила, что ему в машину подбросили антикварные украшения. Однако родители убитого парня рассказали: украли больше вещей, чем нашли в машине. Мой сын – не убийца. Я думаю, постоянно анализирую – кто мог его подставить? Он журналист у меня. Но вроде в последнее время никаких потенциально конфликтных тем не брал. Решила, что дело может быть в исчезнувших украшениях.

Ангелина закивала:

– Бесспорно, в них. Я думаю, очень многие люди пошли бы на все, чтобы заполучить талисман самого Михаила Булгакова. Это раритет, культовая вещь. И браслетка всегда приносила Булгакову удачу. Схватить удачу за хвост! Об этом все только и мечтают! Конечно, обладание таким раритетом было бы кстати всем, кто профессионально изучает творчество Булгакова. Соколова Юлия Михайловна, Савельев Петр Васильевич, Сикорский Александр Леонидович… Я могу перечислять имена коллег еще долго! И это неудивительно. Из всех писателей Булгаков внес наибольший вклад в развитие литературы и драматургии. Он гений!

Наталия вздохнула. Странные все-таки люди ее новые знакомые. Чем больше с ними общаешься, тем сильнее подозрения на их счет.

Этот патологически влюбленный в Ангелину Сергей Петрович ради своей пассии готов на все. А у нее тоже явно не все дома. Превратила квартиру в музей Булгакова. Считает,

что вокруг полно желающих заполучить этот артефакт – причем любыми способами. А ведь на самом деле мир – это зеркало, в котором каждый видит свое отражение. Весь этот длинный пламенный монолог, который Павловская только что выдала, на самом деле свидетельствует о другом. О том, что вот именно Ангелина, как никто другой, оценила бы браслетку и не церемонилась бы, чтобы ее заполучить…

– Ма, я пришел! Я голодный, – зазвенел в прихожей веселый мальчишеский голос. И вот уже в дверном проеме показалась коротко стриженная голова с такими же ярко-зелеными, как и у матери, глазами. – У нас есть еда?

Ангелина недовольно нахмурилась.

– Миша, ты что, не видишь, я занята! Если ты хочешь покушать – сходи в магазин и приготовь обед! Здесь такие новости! Возможно, найдена браслетка Булгакова, а ты мне говоришь о какой-то еде!

«Миша. В честь Булгакова? – мысленно отметила Наталия, и сердце противно заныло. – А что если мой Димка тоже голоден? Как кормят в СИЗО? Впрочем, как там могут кормить – хреново, естественно! Эта Ангелина не понимает своего счастья…»

– Михаил Афанасьевич – гений. – На лице женщины появилось мечтательное выражение. – Наталия, обещайте, что сделаете все для того, чтобы его браслетка была найдена.

Наталия уже собиралась выпалить, что при всей своей любви к Булгакову для нее теперь важнее всего вытащить своего сына из камеры. И она согласилась приехать лишь по одной причине – чтобы узнать, мог ли кто-нибудь из тех, кто изучает творчество писателя, работает в музеях, пишет диссертации, – мог ли кто-нибудь из этой среды быть причастным к убийству Тима.

В принципе, на последний вопрос ответ уже получен – да запросто. И ее новые знакомые – первые подозреваемые в этом списке. То, что они охотно пошли на контакт, в качестве алиби рассматриваться не может. Очень часто у преступников сдают нервы, и если у них есть возможность оказаться рядом с расследованием – они такой возможностью охотно пользуются.

Так что можно больше не терять время на пустые разговоры, лучше заняться поиском доказательств.

Наталия собиралась выпалить все это, но ее отвлек звонок сотового телефона.

– Наташ, у меня плохие новости. Мне звонил следователь. Дима не прошел проверку на детекторе лжи. Семенов продлил ему срок содержания под стражей, – печально сказал Леня. – Я не знаю, почему он не прошел проверку. Буду еще выяснять детали…

Сын не прошел проверку на детекторе лжи?

Что это значит?

Он – убийца?

Нет, невозможно!

Просто этот дурацкий детектор, наверное, сломался, его данным нельзя доверять.

Господи, как же не везет в последнее время бедному Димке!

Глава 3

Любовь Белозерская-Булгакова, 1925 год, Москва

– А это чья такая толстая жопка? Чья это такая красивенькая сладенькая жопочка?

Мишина ладонь нежно хлопает меня пониже спины, и я заученно бормочу:

– Это Любина жопочка.

Теперь уже мой черед хлопать Мишу.

– А это чья худенькая крепкая жопка?

Миша притворяется спящим, но его губы невольно расплываются в улыбке, длинные ресницы дрожат.

Мне нравится его лицо – выразительное, с пронзительными синими глазами, мгновенно берущими в плен женскую душу.

Мне нравится его тело – сильное, неутомимое, ненасытное. Мы можем день не выходить из постели, лаская и целуя друг друга.

И все-таки, конечно, я просчиталась, выйдя замуж за Мишу. Не такого мужчину мечтала я видеть рядом с собой! Даже наши коты[7] обладают большим характером, чем Мака[8]. Если котов не покормить – не беда. Выскочат они через форточку на улицу и были таковы, найдут себе еды, не пропадут. Если не покормить Мишу, то он натурально погибнет. Как-то я забегалась, сначала пошла к доброй моей подруге на чай, потом встретила знакомого журналиста, потом надо было уже идти к портнихе. Вернулась вечером, и что же? Мака сидел (точнее, лежал на кровати со страдальческим лицом) голодный! А ведь под носом у него стояла тарелка с бифштексами, и чаю можно было бы тоже легко согреть.

И так – во всем.

«Любанга, где моя сорочка?»

«Любочка, ты куда положила мои бумаги?»

«Ох, Любушка-голубушка, прости, денег нету, гонорар не выплатили».

Он – просто бедный мальчик.

Мальчик, мальчишка – не мужчина.

А мне надобен мужик, чтоб в кулаке меня держал, чтобы как глянул – у меня сердце в пятки падало.

Но только что-то никто, похожий на такого мужчину, мне не встречался. Пришлось окрутить Маку.

Конечно, если бы не нашел он для нас сначала комнаты, а потом квартиры, ничего у нас с семьей не сложилось бы.

У меня в Москве – полкомнаты на птичьих правах у родственников. Долго там оставаться было нельзя, и так косо поглядывали. Я, когда спрашивала позволения у них остановиться, говорила: «На месяц только, мне бы с Не-Буквой развестись, а потом болгарин мне мой вызов пришлет, и я опять уеду за границу».

Развод мне Не-Буква дал быстро.

В принципе, жилось мне с ним плохо. Журналист, получал он мало, иногда нам натурально приходилось голодать по несколько дней. Муж писал в Париже для эмигрантских газет, я в кабаре танцевала – русская балетная школа, которую я окончила, в Париже ценилась высоко. Потом перетащил меня муж в Берлин. Сказал, работа у него там, деньги. Я не верила – так он мне шубку подарил, диковинную. Сказал – дорогая, любимая, вот тебе шикарный пода-

[7] Вторая жена Булгакова обожала животных, в их квартире жили два кота и собака.

[8] Домашнее прозвище Булгакова.

рок, редкий ценный мех. Я подумала и согласилась: а может, и правда не врет и жизнь свою устроил. Шубка та через три недели стала лезть, аж жуть, и с черной сделалась вся отчего-то буро-зеленой. Работы в Берлине, конечно, никакой у мужа не оказалось, опять жили впроголодь. Да еще и еда эта немецкая гадкая – суп из пива, капуста тушеная с сосисками. Русский человек на таком питании долго не выдержит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.